

ЮБИЛЕЙ

Он родился под знаком Девы. Но более мужественную Деву трудно себе представить. Нордически спокоен, малоразговорчив, неброско одет и не суетен. Только мрачнеет, когда видит, как кто-то угодливо разводит пафос по его поводу. А то и дверью шваркнет так, что стены задрожат. Вот такой он — Кирилл Лавров, артист с правильным лицом, сумевший с равным блеском сыграть как партийных лидеров, так и негодяев. Крупных чиновников и не менее крупных бандитов-теневиков. Но не только за это его любят. Харизма Лаврова — это честность и порядочность, которые никто не поставит под сомнение. Сегодня у любимца города, да и всей страны, — юбилей, измеряемый восемью десятками.

ДЕВА МУЖСКОЙ КРАСОТЫ

Кирилл ЛАВРОВ:
"Я такой человек, скажите мне прямо в глаза..."



"Дивный "МК", дивные сотрудники!" — написал Кирилл Лавров на "почетной стене", когда посещал нашу газету, чтобы получить театральную премию "МК".

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

— Юбилей — это всегда ужасное действие. Вот в спектакле "Перед заходом солнца" приятель моего героя говорит: "Юбилей происходит для окружающих, а не для юбиляра". Я только попросил, чтобы поменьше фанфаронства было в этот день, — сказал "МК" Кирилл Юрьевич накануне торжеств.

— Кирилл Юрьевич, вы чувствуете на себе влияние дамского знака?

— Только когда испытывал животный страх за детей, хотя никогда этого не показывал. Помню, как чуть с ума не сошел, когда мой сын в критическом возрасте, лет четырнадцать-пятнадцать, в два часа ночи приходил домой. Вот и вся во мне Дева, хотя грудью не кормил, обеды не готовил.

— Ваша дочь — актриса БДТ. Хочу спросить...

— Она никаких привилегий не получает. Протекционизма у нас в семье и быть не может. Ведь после института Маша работала в ТЮЗе, а не в БДТ. И в наш театр пригласил ее не я, а режиссер для постановки "Трех сестер".

Вообще я не терплю интриг, сплетен. Наверное, я плохой художник: в последнюю очередь узнаю о романах в театре, меня легко можно провести. Однажды меня вызвал первый секретарь Ленинградского обкома Романов. Мы полтора часа разговаривали, и я пытался убедить его в том, что Товстоногов (в то время к нему относились как к внутреннему диссиденту) — это большой художник, его не надо третировать, а надо поддерживать. И вот кто-то из доброхотов в театре пересказал Товстоногову весь мой разговор с Романовым, только все перевернул: мол, я рвусь к власти и прошу его убрать. Товстоногов перестал меня замечать. Я переживал, потом не выдержал: "Я такой человек, скажите мне прямо в глаза..." И тут он как с цепи сорвался: "Да, мне рассказали..." В общем, все выяснилось, и у нас установились такие отношения, что он мне поверял самые интимные свои мысли. Я терпеть не могу недоразумения, я люблю все выяснять до конца.

— Конечно, вопрос запоздалый, особен-

но теперь, когда и звание есть, и руководите театром. Не жалеете, что сами не получили актерского образования?

— Как не жалел? Всегда чувствовал. И по зарплате, которая была самой маленькой. И тогда, когда меня предложили перевести из вспомогательного состава в основной, коллеги возмущались: "Как можно? У него же нет образования". А когда было учиться — война. Я безумно рвался на фронт. Искренне хотел защищать Родину. Тогда было что защищать. Но мечта моя так и не осуществилась. В сорок третьем меня зачислили в училище, и в сорок пятом я закончил его как авиационный техник. Меня перекинули на Дальний Восток, в Южно-Сахалинск. И именно здесь во мне проснулась страсть к театру, о котором раньше и слышать не хотел. Хотя я из театральной семьи (отец Кирилла — Юрий Лавров — был одним из лучших актеров Киевского театра имени Леся Украинки. — М.Р.).

— Это там произошла история, когда вы вошли в конфликт с близким родственником самого Хрущева? Зачем вы это сделали? Глупый были или такой смелый?

— Наивный. Я ведь искренне не понимал, почему я не должен был давать рекомендацию в партию нашей артистке Вере Улик, еврейке по национальности. А директор театра Гондарь, родственник Хрущева, как раз и пытался мне объяснить, что этого не надо делать. Ну, я и пошел в райком партии.

Наивность даже сейчас осталась. И сейчас бывают моменты, когда я совершенно не могу перенести несправедливости, отчего способен наделать массу глупостей. Вот у Константина Симонова в книге "Последнее лето" есть момент, как генерал Серпилин (в кино его играл Папанов) пошел к Сталину, чтобы все тому выложить начистоту. Так вот, Симонов пишет: "Серпилин, выходя из кабинета, вдруг отчетливо понял, что жаловаться некому". А я верил, что есть.

— Вы с одинаковым блеском играете мерзавцев, бандитов и приличных людей.

— Кстати, одна из первых ролей в кино — это вор в законе Леняка Лапин по кличке Лапа в

картине "Верьте мне, люди". А моя любимая роль — Молчалин в "Горе от ума". Теперь вот до "Бандитского Петербурга" дорос — так что, можно сказать, сделал карьеру.

— Актеры — народ суеверный. Не боялись брать за роль Матеуса Клаузена в "Перед заходом солнца", которую, по театральным преданиям, относят к разряду лебединой песни, то есть последней?

— У меня чуть ли не половина таких в репертуаре. И что мне делать? Хотя... в гробу лежать не люблю. Вот в "Бандитском Петербурге" я должен был лежать, но отказался. Лебединая песня... Да тут какая бы роль ни была — она лебединая.

— Кирилл Юрьевич, а если жизнь начать сначала, то вы...

— Может, я вообще артистом не был бы. Я, например, люблю копаться в старых бумажках. Может быть, я был бы хорошим архивариусом: люблю старые книги.

Но сложилось как сложилось. Это жизнь. В своем возрасте он курит как кокаин — по полторы пачки в день. И на вопрос о здоровье отвечает словами чеховского доктора Чебутыкина: "А что здоровье? Как масло коровье". И подключает к ней другую любимую фразу, о том, что после нас обязательно придут новые люди, те, которые будут жить через сто-двести лет после нас и которые будут презирать нас за то, что мы прожили свою жизнь так глупо, так безвкусно. Те, может быть, найдут средство, как быть счастливыми. А мы... у нас одна надежда: что когда мы будем почивать в своих гробах, то нас посетят видения. Быть может, даже приятные.

Весь Петербург гудит и стоит на ушах: все рвутся в БДТ на юбилей Лаврова. Сам он суете предпочел сыграть в премьеры рядом с мощными партнерами: Алисой Фрейндлих, Олегом Басилашвили, Юрием Толубеевым. А коллеги по цеху устроили ему сегодня грандиозный капутник, в котором он меньше всего хотел бы видеть "венки от Мантулинской фабрики" и слышать банальные слова про "вы наше все".

Марина РАЙКИНА.